

Малые слова православного богослужения

Прот.Георгий Бенигсен

«Премудрость»

«ПРЕМУДРОСТЬ!» Часто слышим это слово повторяющимся за богослужениями в наших храмах. Прежде всего оно призвано напомнить нам и свидетельствовать перед нами и перед миром, что все в храме совершающееся зиждится на основах Божественной Премудрости. «Вся премудростию сотворил еси» – «все соделал Ты через премудрость» слышим за каждой всенощной в так называемом предначинательном – 103-ем – псалме Давида. В повседневной нашей жизни часто употребляем слова «ум», «разум», «рассудок», «интеллект», когда стараемся описать наглядную функцию человеческого мозга. И при этом часто изолируем эту мозговую функцию от полноты проявления человеческого духа. Живем в «рациональный» век, когда человеческий мозг достигает высоких пределов в науке, в технике, в мысли, в искусстве. Нередко эти достижения лишены творческого элемента и направлены на цели разрушительного характера.

То ли это, что подразумевается под церковным словом «премудрость»? Частично – то, потому что человеческий разум, просвященный светом Христовым, может включиться в область глубины Премудрости Божественной, даже и в таком благодатном случае представляя собой только каплю в океане этой Премудрости. Здесь, по предсмертным словам великого ученого, можно сказать: «я знаю только то, что ничего не знаю».

Божественная Премудрость является основой всякого творческого начала в этом мире. Все, что в нее не входит, от нее не питается, ею не просвещается – сознательно или бессознательно – отталкивается от подлинного знания, становится жертвой разрушительной силы. Так как в мире все поляризуется, Премудрости Божией может противостоять только абсолютная глупость. Дьявольская глупость, без-умие. То безумие, о котором царь и пророк Давид сказал: «рече безумец в сердце своем: несть Бог». Сказал безумный в сердце своем: Бога нет!

Вот почему Церковь так часто повторяет слово «ПРЕМУДРОСТЬ». Прежде всего она напоминает нам, что подлинная премудрость присуща только Богу, что к этой Божественной Премудрости человек может приближаться только в меру своего духовного просвещения, которое обретается через Церковь и в Церкви. Что приближение к Премудрости Божественной обуславливается подлинным смирением, сознанием своей малости – умственной, духовной – перед величием Бога. И еще: Церковь этим утверждает, что в ней, как Телe Христовом – едином, святом, соборном и апостольском – хранится и раздается единственная подлинная премудрость.

“Прости”

ПРЕМУДРОСТЬ, ПРОСТИ! Мы уже размышляли над словом «ПРЕМУДРОСТЬ», которое, в малости своей, содержит глубочайший смысл. К этому слову за богослужениями нередко прибавляется слово «ПРОСТИ». В основном своем смысле является оно призывом к молящимся и напоминанием о том, чтобы стояли прямо, в том физическом положении, которое способствует внимательности и свидетельствует о благоговении молящегося перед Тем, Кому он молится – перед Богом. Иногда может быть нелегко и даже утомительно долго стоять прямо, но сама утомительность является нашей жертвой Богу за богослужением и при молитве, а потому и она, утомительность эта, освящена и благодатна. Но напоминание «ПРОСТИ!» не исчерпывается только внешним физическим его содержанием. Несомненно, что это славянское слово происходит от слова «простой». Оно призывает нас и к внутренней «прямоте», простоте, собранности. Как поется в Херувимской песни за литургией: «всякое ныне житейское отложим попечение». Освободимся на время богослужения от всякого внешнего, житейского балласта, который часто с таким успехом рассеивает наше внимание, отвлекает наш ум от великого акта священнодействия. Это «житейское попечение», суетливость наша, рассеянность должны быть оставлены за дверями храма, а в храме все должно быть направлено на одну цель: на прославление Господа и на погружение в полноту тайны нашего общения с Ним.

Простота вообще является одной из основных предпосылок духовной жизни. Недаром великий оптинский старец любил говорить: «Где просто, там ангелов со-сто.» Так и здесь, в храме, где стоим лицом к лицу с неизреченной Премудростью Божией,

раскрывающейся нам в богослужении, хорошо облечь сердце, мысль и даже плоть в ПРОСТОТУ, святую простоту, в которой больше не остается преград, перегородок между нами и Богом.

Вот поэтому даже и первоначальное значение слова «ПРОСТИ» – стойте прямо, стойте внимательно, смиренно – значительно и важно. Призывает оно к известному духовно-физическому строю в нашем поведении в храме. Всякое богослужение есть наше движение, движение всей Церкви к Богу. В этом движении уподобляемся мы духовному воинству. «Иже херувимы тайно образующе», а херувимов и ангелов именует Церковь «небесным воинством». В воинстве же необходим порядок, строй, в котором в данном случае объединяется физическое наше естество с естеством духовным.

Поэтому участвуя в богослужении, будем трезвиться, подтягиваться, приводить себя в то состояние физической собранности, которое открывает пути собранности и трезвенности духовной. «Премудрость, прости!»

«Вонмем!»

Время от времени за богослужениями нашими раздается слово «ВОНМЕМ!» Это – повелительная форма глагола «внимать». По-русски мы сказали бы: «будем внимательны!», «будем внимать!» Еще одно «малое слово», неоднократно поторяющееся в храме и легко ускользающее от нашего внимания. Не странно ли: призыв ко вниманию и тот ускользает от нашего внимания. Малое слово, но с большим и ответственным содержанием.

Внимательность – одно из важных качеств даже в повседневной нашей жизни. С детства приучают нас к внимательности – родители, учителя, руководители. А внимательность не всегда дается легко – ум наш склонен к рассеянности, к забывчивости – трудно заставить себя быть внимательным. Церковь сознает эту нашу слабость, поэтому то и дело говорит нам: «ВОНМЕМ», будем внимать и будем внимательны.

Будем внимать, значит – будет собирать, напрягать, настраивать наш ум, нашу память на то, что слышим. Еще важнее: будем настраивать наше сердце, чтобы ничто не проходило мимо него из того, что совершается в храме. Внимать – значит слушать и слышать, смотреть и видеть. Внимать – значит уметь молчать, иначе ведь не услышишь голоса, говорящего тебе и с тобой. Внимать – значит разгружать себя и освобождать от воспоминаний, от суетящихся в уме мыслей, от забот, от «житейских попечений». Внимать – значит открыть свой ум, свою душу, свое сердце для тех лучей премудрости, которые льются на нас от Света Разума, от солнца Правды, от Христа.

И – «быть внимательным». Ко всему, во что нас любовно погружает Церковь, и друг к другу, к ближнему, к его нуждам, чтобы действительно «единими усты и единым сердцем» славить Бога во святой Троице. Сказал Христос: «где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я посреди их». Но Он может быть «посреди их», посреди Своей Церкви только в том случае, если эти «двое или трое», если вся Церковь связаны Союзом Любви, основой которого является союз ВНИМАНИЯ.

Это слово «ВОНМЕМ» хорошо помнить и духовно поторять на всех путях жизни. Глядя на красоту Божьего мира, Божьего творения, общаясь с людьми, занимаясь любым делом, которое ведь вручено нам Богом, хорошо говорить себе: «ВОНМЕМ». Как много зла, обиды, раздражения, вражды, неправды начнет исчезать из нашей жизни, из наших отношений с людьми, если вынесем это церковное слово из стен храма и как фонарем, как факулом будем освещать им всякий наш шаг, всякое наше движение, всякую нашу встречу.

“Аминь”

Совсем маленькое слово «Аминь». Так часто повторяется оно за богослужениями, да и в личной нашей молитве. Обыкновенно этим словом заканчиваются молитвы или важные тексты религиозного содержания, и двучит оно, как печать, которой запечатлевается все, имеющее особенную важность. Так оно и есть. Слово «аминь» древнееврейского происхождения, одно из коренных его значений – «заслуживать доверия». Другие значения: «истинно так», «пусть будет так», «быть посему». В Ветхом Завете, в книге Второзакония, пророк Моисей заповедует народу Израилеву устройство жертвенника и порядок приношения жертв, послушание Богу и подчинение

Ему: «в день сей ты сделался народом Господа Бога твоего». В ответ громогласные слова пророка, отвергающие всякое нечестие и неправду, народ многократно возглашает и говорит: «Аминь». А в последних строках последней книги Нового Завета, Апокалипсиса или Откровения Святого Иоанна Богослова, сказано: «Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь.»

Так в Ветхом Завете слово «аминь» употреблялось, чтобы дать согласие заключенной клятве, тем самым принимая все ее последствия; чтобы свидетельствовать о согласии с добрым пожеланием или с молитвой славословия, в каком случае «аминь» часто повторялось дважды: «аминь, аминь». В Новом Завете это слово применяется все чаще. В христианской Церкви верующие, даже говорившие по-гречески, стали употреблять древнееврейское слово «аминь» в конце священником произносимых евхаристических молитв. Но и частные молитвы и славословия ранних христиан, как и христиан нам современных, заканчиваются этим же словом. Христос употреблял это слово в начале особенно важных свидетельств: «истинно, истинно говорю вам» – «аминь, аминь глаголю вам». Этим Он дал слову «аминь» особое значение, неизвестное в ветхозаветной раввинской литературе, словом этим утверждая абсолютную правдивость и истинность того, что Он говорил, и укрепляя это весом Своего Божественного авторитета. Даже и Сам Христос в Новом Завете называется «Аминь», т.е. Верный. Как сказано в послании ап. Павла к Коринфянам: «все обетования Божии в Нем (во Христе) «да» и в Нем «Аминь» – в славу Божию, через нас».

Так, произнося слово «аминь», мы отдаем себя Богу, предаемся в Его волю. Как Он подписал Новый Завет Свой Завет с человеком Своей на Кресте пролитой Кровью, так мы принимаем от Него этот Новый Завет, новый договор Бога с человеком и утверждаем нашу верность Ему и преданность огненным словом веры: «аминь!»

«Аллилуйя»

В псалмах Давида часто появляется хвалебное слово «Аллилуйя». Помимо псалмов его можно найти в Священном Писании лишь дважды. В книге Товита в Ветхом Завете, в пророческом видении нового небесного Иерусалима, сказано: «на всех улицах его будет раздаваться: аллилуйя». И затем в Откровении Св.Ап.Иоанна Богослова, в последней книге Нового Завета, в видении нового, преображенного вечного мира, Богослов «услышал на небе громкий голос как бы многочисленного народа, который говорил: аллилуйя! спасение и слава, и честь и сила Господу нашему». И продолжает раздаваться это аллилуйя из уст святых и праведников, поклоняющихся Престолу Вседержителя.

Слово АЛЛИЛУЙЯ, так часто появляющееся в песнопениях и молитвословиях нашей Церкви, древнееврейского происхождения. Последняя его буква «Я» представляет собой сокращенное «Яхве» или Иегова, ветхозаветное Имя Божие. Предшествующая часть слова значит «хвалите», таким образом все слово АЛЛИЛУЙЯ значит ХВАЛИТЕ БОГА, ХВАЛИТЕ ГОСПОДА. Христианская Церковь рано включила это хвалебное слово в свои литургические тексты. Оно стало выражением радости и торжества, гимном побеждающей веры. У нас оно входит во все богослужения, включая покаянные великопостные и заупокойные. Вся жизнь Церкви строится на незыблемой вере в Воскресение Христово, а поэтому и на чаянии общего воскресения из мертвых. Даже в отношении Церкви к смерти царит радость ожидания предстоящей встречи с Христом и вечной жизни в Царстве Божиим.

За Божественной литургией «аллилуйя» поется перед чтением Евангелия, им заканчивается перенесение Даров с жертвенника на Престол – Херувимская песнь. Поется оно после причастия и в конце литургии. Многократно слышим его за всенощным бдением. Таким образом, оно пронизывает наши богослужения и выражает собой, в краткой своей форме, то, чему все богослужения посвящены, – хвалу Богу.

Вот еще одно «малое слово», которое тоже не всегда задерживает на себе наше внимание. Содержание же его настолько неисчерпаемо, что им будут хвалит Бога праведники тогда, когда будет Новое Небо и Новая Земля, в вечном Царствии Божиим. Поэтому и здесь, в Церкви нашей, которую св. Иоанн Кронштадский называл «небом на земле», уместно этому единословному славословию золотой нитью пронизывать нашу человеческую хвалу Богу. Ибо нет более совершенной возможности утверждать

божественное господство над миром и над человечеством, чем хвалить и прославлять Его, воспевать Ему хвалу – нашему Царю и Владыке.

«Господи, помилуй»

«ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ». Как часто эти два слова звучат в наших храмах, да и в личных наших молитвах. В ектениях, молитвословиях, состоящих из ряда коротких прошений, каждое из которых сопровождается словами «Господи, помилуй». За вечерними богослужениями и на чтении часов, когда «Господи помилуй» повторяется то 3 раза, то 12 раз, а то и 40 (?) раз , написанное русским композитором Львовским многократно повторяется «Господи помилуй» на Воздвижение Креста, так всеми нами любимое. И многое множество других служб, в которых «Господи помилуй» звучит многократно, настойчиво, покаянно.

Пусть не смущает нас частота повторения некоторых кратких молитвословий, в особенности молитвы «Господи, помилуй». Задача этой многократности – пропитать ими наше сердце, наш ум, нашу душу. Целью повторения является сосредотачивание нашего внимания на молитвенной теме, которую Церковь считает особенно важной для нашего духовного роста. Многократность, как лейтмотив в музыке, пронизывает наше сознание, нашу память, остается с нами надолго, уходит с нами из храма в повседневную жизнь.

«Господи, помилуй». Два слова. Но сколько в них глубокого содержания. Прежде всего, именуя Бога Господом, утверждаем Его владычество над миром, над людьми, и – главное – надо мной, над тем, кто произносит это слово. «Господь» значит господин, владыка. Потому мы и называемся «рабами» Божиими. В этом названии нет ничего обидного, как готовы подозревать некоторые борцы против Бога. Рабство само по себе явление отрицательное, так как оно лишает человека его первоначального дара – дара свободы. Так как этот дар дан человеку Богом, и только в Боге человек может обрести полноту свободы, то рабство Богу и есть это обретение своей совершенной свободы в Боге.

Рабство наше Богу далеко от совершенства. Каждый день, каждый час жизни нашей убегаем мы от этого блаженного рабства. Убегаем туда, где нет ни света, ни любви, ни радости, ни жизни, которые только и можно обрести в Боге. Убегаем от совершенной радости в бездонное горе. Просыпаемся духовно, приходим в себя, начинаем понимать, что некуда бежать от Бога, разве что в смерть. Как сказал пророк Давид: «Куда пойду от духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?» Возвращаемся к Богу – кто из мгновенного ухода, кто из многолетнего отсутствия. И чтобы снова восстановить постоянно утрачиваемое свое сыновье Ему рабство, просим прощения: помилуй, помилуй.

Вот она – малая, короткая молитва, которой можно молиться везде и всегда: «Господи, помилуй». Хорошо ее ценить, хранить, возвращать. Это словесные четки, которые связывают наши руки с десницей Господней.

“Мир”

Слово «мир» было формой приветствия у древних народов. Римляне говорили при встрече «пакс», а израильтяне и до сих пор приветствуют друг друга словом «шалом». Это приветствие употреблялось и во дни земной жизни Спасителя. Древнееврейское слово «шалом» многогранно по своему смыслу, и новозаветным переводчикам его пришлось испытать немало затруднений, пока они не остановились на греческом слове «ирини». Помимо своего прямого смысла слово «шалом» содержит в себе ряд нюансов, например: «быть полноценным, здоровым, неповрежденным». Основное его значение динамично. Оно значит «жить хорошо» – в благополучии, достатке, здоровье и так далее. Все это понималось как в материальном, так и в духовном смысле, в порядке личном и общественном. В переносном смысле слово «шалом» означало добрые отношения между разными людьми, семьями и народами, между мужем и женой, между человеком и Богом. Поэтому антонимом, протиположением этого слова не обязательно была «война», но скорее все, что могло нарушить или уничтожить индивидуальное благополучие или добрые общественные отношения. В этом широком смысле слово «мир», «шалом» обозначало особый дар, который Бог даровал Израилю ради Своего с Ним завета, договора, потому что совсем особым образом это слово выражалось в священническом благословении.

Именно в этом смысле это слово-приветствие употреблялось Спасителем. Им Он приветствовал апостолов, как об этом повествуется в Евангелии от Иоанна: «в первый день недели (по воскресии Христа из мертвых) ...пришел Иисус, и стал посреди (учеников своих) и говорил им: мир вам!»! И затем: «Иисус сказал им вторично: мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас.» И это не просто формальное приветствие, как часто случается в нашем человеческом обиходе: Христос совершенно реально облакает Своих учеников в мир, зная, что предстоит им пройти сквозь бездну вражды, преследований и через мученическую смерть.

Этот тот мир, в котором в посланиях апостола Павла говорится, что он не от мира сего, что он – один из плодов Святого Духа. Что он, этот мир – от Христа, ибо «Он есть мир наш».

Вот почему за богослужениями нашей Церкви епископы и священники так часто и многократно благословляют народ Божий крестным знаменем и словами: «мир всем»! Вот где вся глубина значения этих слов, смысл которых в том, чтобы нас напитать, наполнить тем миром, который никто не может отнять от нас – миром Христовым.

«Святая — святым»

Перед причащением Святых Тайн Тела и Крови Христовых, священник в алтаре, стоя у Престола, поднимает ввысь Святой Агнец, Хлеб бескровной Жертвы, ставшей благодатью Святого Духа Телом Христовым. При этом произносит он два слова: «Святая – святым». Звучат эти слова тайной, которая несомненно заключена в них, но никакая тайна не должна быть лишена внутреннего смысла, который тоже, несомненно, пронизывает эти слова. Этим два «малых слова».

Апостол Петр, в первом своем соборном послании, говорит юной еще христианской Церкви: «вы – род избранный, царственное священство, народ святой, ... народ Божий.» Вот как апостол описывает членов ранней Церкви, а вместе с ними – и всех нас. Несомненно, что среди этих ранних христиан были не только святые, но и грешники. Мало ли их среди нас, включая нас самих? А апостол называет всех их – и всех нас – избранным родом, царственным священством, народом святым, народом Божиим. Этим определяется норма отношения Бога и Церкви к человеку, к церковному народу. В таинстве крещения каждый человек получает абсолютный залог святости. Из купели крещения человек выходит святым: благодатью Святого Духа с души его смыт всякий грех, всякая неправда, всякая нечистота. Святость его запечатлевается миропомазанием. Так человеку, только что крещенному, дается совершенный потенциал святости, который Церковь продолжает признавать за ним в течение всей его жизни.

Ответственность за сохранение этого дара, этого потенциала святости лежит уже не на Церкви, а на человеческой совести, на отношении человека к дару свободной воли, вольного выбора между добром и злом. Святость теряется, растрачивается на путях и перепутьях жизни, но и восстанавливается, обновляется в таинствах исповеди и причастия. А Церковь остается верна своей исконной оценке, продолжает она верить в нас, «избранный род, царское священство, народ святой, народ Божий». И не только священство, но и всех своих членов облакает великим даром священнодействия. По православному учению, великое таинство евхаристии совершается не только священником, но и всей Церковью, всем «царским священством», всем «народом Божиим».

Поэтому, поднимая ввысь Святой Агнец, Тело Христово, являя Его всей Церкви, священник говорит: «Святая – святым». «Святая» – это то, что в этот момент держит он в своих руках – Святые Дары. «Святым» – значит, что Святые Дары предназначены для всех нас, для всех членов Церкви, в глазах которой все мы – святые, все мы – народ Божий. А мы, в полном и смиренном сознании своей греховности и недостойности, отвечаем: «Един Свят, Един Господь – Иисус Христос».

“С миром изыдем”

В конце Божественной Литургии, после причастия и благодарения за Святые Дары, священник поворачивается лицом к народу и, выходя из алтаря, говорит: «С миром изыдем». Надо думать, что в ранней Церкви этими словами отмечался конец богослужения и все молящиеся приглашались расходиться по домам «с миром».

Слово «мир» часто появляется в молитвах Церкви. Церковь – великая поборница мира. Мир возвестили ей ангелы в рождественскую ночь, певшие: «Слава в вышних Богу, и на земле мир». О мире ей многократно говорил Христос: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так как мир дает, Я даю вам». К миру призывает Церковь, начиная Божественную Литургию и другие богослужения великой или мирной ектеньей: «Миром Господу помолимся». Лев Толстой в романе «Война и мир» неправильно толкует эти слова, понимая под ними мир как человеческую общину. Значат они, на самом деле, — помолимся Господу в мире, в мирном духе. «О свышнем мире» – о том мире, который дает не мир, не мирные переговоры и договоры, а который Он – Христос дает нам. Но и «о мире всего мира», потому что ничто так не затемняет радость церковную, как бушующая в этом мире вражда.

Но этот не тот мир, который можно просто противопоставить войне. Политики, так щедро употребляющие слово «мир», так часто злоупотребляющие им, не всегда сознают, что самыми мирными местами на нашей планете являются кладбища, а не столы конференций, за которыми слово «мир» склоняется во всех падежах. Мир, о котором говорит Церковь, которым она напутствует уходящих в мир от литургии своих членов, иной. Его никто не может отнять, он может наполнять сердце и душу в условиях фронта, войны, восстаний, бед, катастроф. Это мир внутреннего состояния. Совсем не индивидуальный, не персональный. А тот, о котором преподобный Серафим Саровский сказал: «стяжи в себе мирный дух, и тысячи вокруг тебя спасутся». Значит мир, который не может сосредотачиваться, заключаться только во мне, но через меня непременно распространится, растечется по «тысячам» других сердец, как об этом свидетельствует преп. Серафим.

Вот к какому миру призывает священник молящихся, напутствуя их на житейскую повседневность, к которой они уходят из храма. В ранней Церкви существовала несомненная духовная «ненасытность». Не хотелось так быстро покидать Церковь, уходить с этого «неба на земле». Поэтому на священнические слова: «с миром изыдем», отвечает народ: «О имени Господни» – с именем Божиим, во имя Божие. И священник удовлетворял это желание, заканчивая своеобразный диалог своей с народом словами: «Господу помолимся», и читал последнюю, «заамвонную» молитву о Церкви, о людях, о мире ...

“И всех, и вся”

За божественной литургией, после пресуществления Святых Даров, Церковь просит Бога, чтобы Он «помянул», включил в Свою Божественную память о мире и человеке, «всех усопших о надежде воскресения для вечной жизни», «все пресвитерство – священство, вселенную, Свою Святую Соборную и Апостольскую Церковь, всех, кто пребывает «в чистоте и честном жительстве», страну и власти, правящего епископа, и – как поет хор, заканчивая эту евхаристическую молитву поминовения, «и всех, и вся». И всех, и все.

Это «и всех и вся» тоже можно причислить к тем «малым словам», которые слушаем, а не слышим – ускользают они от полноты нашего внимания. А они, особенно в контексте только что принесенной Церковью Бескровной Евхаристической Жертвы Тела и Крови Христовых, полны глубокого значения.

Принося евхаристическую нашу жертву Богу, Церковь устами священника, поднимающего ввысь Чашу с вином и Дискос с хлебом, говорит: «Твоя от Твоих Тебе приносяще – о всех и за вся.» Бескровная Жертва приносится не за индивидуальное благополучие, будь оно даже благополучием духовным, а за весь мир, за всю вселенную, за все человечество. Бескровная Жертва в глубине своего смысла **космична**, ибо Святой Дух, сходя на наши дары Богу, превращает их в Святые Дары Бога нам, и в этот акт реального чуда включаются все Божие творение, весь мир, все человечество, все его поколения – бывшие, настоящие и будущие.

В этом – великая сила и благодать, дарованная Богом Церкви. Церковь – это активная, динамическая, действенная Божественная энергия, постоянно врывающаяся в этот мир, чтобы его преображать, освящать, облагораживать, обожествлять, готовить его ко второму пришествию в мир Христа, к последнему и страшному суду, к общему воскресению из мертвых. Вот в чем наше членство в Церкви: в том, чтобы быть активными проводниками этой благодати, сотрудниками Божиими в Его жажде спасти

мир и человека. Отсюда и название самого центрального богослужения нашей Церкви. «Литургия» по-гречески значит «общее дело». Именно таковым для каждого из нас должно быть дело спасения каждого человека. Все мы связаны «общей порукой добра» в этом мире, в котором, по словам Достоевского, всякий, перед всеми, во всем и за все виноват, то есть ответственен. Какое в этом обетование, какая, действительно, «круговая порука добра». Потому что если я за всех ответственен, то ведь и за меня ответственны ВСЕ. И больше не должна пугать меня мысль народной мудрости «один в поле не воин».

Вот почему «и всех и вся», «и всех и все». Потому что силой и нашей молитвы, особенно молитвы евхаристической, «вся» и «все» включены в поток Божественной благодати, несущийся, стремящийся, текущий в вечное Божие Царство.